

РЫЦАРСКИЙ ИДЕАЛ Н.А. БЕРДЯЕВА И МИРОВАЯ ВОЙНА

Бойко Владимир Анатольевич,

*кандидат культурологии, доцент,
доцент Института философии и права
Сибирского отделения РАН, Новосибирск
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
ORCID: 0000-0002-0365-5171
vboyko100@gmail.com*

Аннотация

Рыцарский идеал Н.А. Бердяева является важнейшей составляющей его творчества. Согласно Бердяеву, «дух рыцарства» есть единственная альтернатива «духу буржуазному», «мировому мещанству» и тотальной государственности. Бердяев верит в великую историческую миссию России – стать соединяющим звеном между Востоком и Западом. Первая мировая война актуализирует эту тематику. Отмечается, что Бердяев убежден в необходимости качественных изменений русского национального сознания и бытия. Война как феномен духовного порядка демонстрирует, что искоренить насилие в мире может лишь духовная сила. России нужны люди достоинства и чести, люди, осознающие величие божественной силы. Русское общество должно приобщиться к мировой цивилизации, внутренне принять христианское откровение о человеке. Идея рыцарского служения, согласно Бердяеву, предваряла христианскую мораль, она имеет непреходящее значение в истории становления личностного начала. Предпосылкой успеха всемирно-исторической миссии России является освобождение «русской души» от господства женственной, природной, ведущей к хаосу стихии. Проблема выбора между Востоком и Западом, утверждает Бердяев, определяет судьбу России. Лишь ориентация на выкованную западноевропейским рыцарством мужественную и ответственную творческую личность позволит России духовно преобразиться, успешно решить задачи всемирно-исторического масштаба.

Ключевые слова: русская философия, всемирно-историческая миссия России, сила, русская душа, новое средневековье, Запад и Восток.

Библиографическое описание для цитирования:

Бойко В.А. Рыцарский идеал Н.А. Бердяева и мировая война // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 2. – С. 395–417. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-395-417.

Размышления Н.А. Бердяева, связанные с событиями Первой русской революции, существенно повлияли на важнейшую составляющую его творчества – рыцарский идеал, формирование которого мы проследили в своих предыдущих статьях [29, 31]. Рыцарский идеал Н.А. Бердяева как альтернатива «мировому мещанству» и тотальной самодовлеющей государственности содержательно расширился и был интегрирован в идею «великой миссии России» служить мостом между Востоком и Западом, стать основой богочеловечества [30]. Вступление России в Первую мировую войну вновь актуализирует тематику ее всемирно-исторической миссии. Русский мыслитель воспринимает эту войну как «эпоху великих испытаний», когда всякий народ должен «осознать себя и свое положение в мире не только материально, но и духовно»; война для него – феномен прежде всего духовного порядка, и оценивать его надлежит как «факт духовной реальности», противоречивой и раздвоенной [3, с. 5]. Бердяев надеется, что начавшаяся война приведет к духовному пробуждению России¹, придаст мужества и благородства русскому народу, наделит русского человека чертами рыцаря: «Только великие испытания, опасности и несчастья возвышают человеческую природу. Когда наступает успокоение, человек опускается» [14, с. 43, 44].

Героический, рыцарский дух должен возобладать в этой войне над царством мещанства, царством сытости и успокоенности. В войне Бердяев видит «великую изобличительницу лжи беззаботной мещанской жизни»: «Есть войны, которые посылаются Провидением, чтобы заставить народы опомниться, углубиться, приподняться. Неизбежность нынешней войны уже заложена во внутренней болезни человечества, в его буржуазности, в том мещанском самодовольстве и ограниченности, которые не могут не привести к взаимному убийству. Мещанская замкнутость размыкается в крови...» [24, с. 408]. Он искренне радуется возрождению духа рыцарства в Бельгии и Франции, странах, подвергшихся агрессии со стороны Германии. В статье «О дремлющих силах человека», написанной в ноябре 1914 г. в связи с героическим сопротивлением нейтральной Бельгии германскому вторжению, Бердяев с воодушевлением пишет, что мировая война принесла «радостную весть о героизме, которого уже никто не ждал от буржуазных народов», показала, что «буржуазность не окончательно истребила героический дух, что привычка к благополучию не окончательно искоренила способность к жертве и не совсем еще размягчила человека»: «Современная буржуазная жизнь казалась несовместимой с героическим духом. И вот героический дух проявился в самых недрах буржуазной жизни. Эта радостная весть дошла до нас через все ужасы войны. <...> Возрож-

¹ Первая с начала военных действий статья Бердяева, опубликованная 17 августа 1914 г. в газете «Утро России», имела характерный заголовок «Война и возрождение».

дается надежда, что буржуазность не разрушила ядра души западного человека, а коснулась только еще его оболочек. Духовная сила дремала, прикрытая покровом буржуазности» [14, с. 41]. Русский мыслитель противопоставляет рыцарство как взлет культуры ее упадку, декадансу. Показательным примером духовного ренессанса, вызванного войной, служит французский народ, который «казался наиболее упадочным и вырождающимся», но проявил небывалый героизм на полях сражений. «Французы, – пишет Бердяев в конце 1916 г., – проявили наибольший героизм в эту войну, в них проснулась доблесть старой, средневековой, рыцарской Франции. <...> Доблесть не умерла в этих хрупких, вырождающихся, погруженных в буржуазное довольство французах. Франции грозил упадок и вырождение. Трагедия войны, поставившая Францию перед грозной опасностью, духовно возродила ее» [1, с. 290]. Сражающаяся Франция демонстрирует, что война раскрывает потенциал человеческой личности, может быть «спасительным варварством», преодолевающим упадок современной культуры. Период «слишком большого утончения» культуры закачивается, начинается ее «огрубение».

С войной Бердяев связывает расширение культурных горизонтов, открытие новых источников культуры. «Бушующая стихия войны, – отмечает философ, – требует огромной духовной энергии, чтобы в буре этой уцелел образ человека, образ народа и образ человечества. Человек напрягает свои силы до высочайшей степени, черпая их не из верхнего слоя культуры, а из более глубокого источника, из исконного варварства» [1, с. 291, 292]. Бердяев не готов оставить в прошлом сложность и утонченность современной культуры, он полагает, что ее лучшие проявления должны быть сохранены и соединены с силой, напором «исконного варварства». Эти размышления становятся основой его концепции «нового средневековья»², согласно которой в культуре начала XX в. разворачивается процесс, аналогичный разрушению утонченной античной культуры средневековым вар-

² Подробно концепция будет изложена в брошюре «Новое средневековье», выпущенной в свет в Берлине в 1924 г. Отметим, что отношение Бердяева к текущим событиям созвучно умонастроениям И.В. Киреевского, начавшего свою статью «Девятнадцатый век» размышлениями о важности «текущей минуты» для наших суждений о характере современной эпохи: «Одно понятие текущей минуты, связывая общие мысли с частными явлениями, определяет в уме нашем место, порядок и степень важности для всех событий нравственного и физического мира». Ранее понятие «текущей минуты» «составляло исключительную принадлежность гения», но ныне «когда все отрасли ума и жизни породнились между собою столь тесно, что изучение одной открывает нам современное состояние всех других, понятие настоящего направления времени уже не требует ни гениальности, ни вдохновения; оно сделалось доступно для каждого мыслящего и предполагает в нем только внимательный взгляд на окружающий мир, холодный расчет и беспристрастное соображение». Время ускорило, изменения общественной жизни и господствующего направления в культуре совершаются «столь быстро и столь решительно», что тот, кто прожил полвека, увидел столько новшеств, сколько прежде приходилось на несколько столетий (см. [32, с. 80]).

варством, приведший к огрубению человечества и погружению культуры во тьму. Но торжество тьмы носило временный характер, в позднем Средневековье формируется новый, сложный тип культуры, синтезирующий варварство и античное наследие. Бердяев полагает, что говорить о Средних веках в целом как темной эпохе в истории человечества можно «лишь условно и поверхностно»: «В действительности в эпоху средневековой тьмы была очень напряженная духовная жизнь и накопились величайшие возможности. Не без основания можно сказать, что наша эпоха подходит к новому средневековью. На культурное человечество идет тьма, опускается ночь, и в этой ночи гаснет свет рационализма... В жизнь европейского рационального человечества входит иррациональное начало, опрокидывающее все планы слишком рационального устройства земной жизни. Но внутреннее солнце человеческой жизни не может и не должно погаснуть, оно будет светить во тьме и приведет к новому возрождению» [1, с. 292, 293].

Новое варварство отличается от средневековья «роковым процессом машинизации жизни», что сопровождается «уродливыми явлениями и гибелью старой красоты»; русский философ видит в торжестве машины замену органического механическим, предельную материализацию жизни [4, с. 469]. «Машинность, механичность культуры, – указывает он в статье «Дух и машина» (1915), – расплывает плоть мира, убивает органическую материю, в ней отцветает и погибает органическая материя, родовая материальная жизнь. <...> Что-то надломилось в органической жизни человечества, и началось что-то новое, всё еще не до конца осознанное и опознанное» [4, с. 470]. Без обсуждения этого вопроса, согласно Бердяеву, невозможно понять, что побудило Германию развязать мировую войну. В статьях, написанных в первые месяцы войны, он противопоставляет дух рыцарства былой Германии духу машины, определяющему ее нынешнее состояние: «Сколько бы не разыгрывал Вильгельм роль Зигфрида, как бы не симулировал древнее рыцарство, не скрыть ему того, что Германская империя не священная, а буржуазная промышленная империя. И сила армии Вильгельма есть прежде всего сила промышленно-капиталистическая, сила футуристической техники, а не рыцарского духа, не героизма, не массового энтузиазма. <...> Техника побеждает человеческий дух, внешняя годность затмевает внутреннюю ценность, движение истребляет существенное. Германская армия являет миру технические чудеса» [27, с. 18]. Милитаризм Германской империи несовместим с рыцарским духом, «тщетно... искать в нем следов древнего рыцарства», он порожден XX веком, вооружен «всеми методами и приемами новейшей техники и промышленности», «типически футуристическая механизация и автоматизация человеческой массы и человеческой жизни» составляют смысловое ядро этого явления [27, с. 17]. Германский национализм и милитаризм привел к нравственному и куль-

турному вырождению страны, с которой ранее нередко отождествляли само понятие культуры. «В Германии было много духа», – пишет Бердяев. Но страна «пришла к самым совершенным образцам механизации и машинизации. Германская машина, как бы выброшенная из недр германского духа, идет впереди, она задавала тон в жизни мирной, а теперь задает тон в войне. Германцы стали рабами собственной совершенной машины» [4, с. 469]. Культ силы и национализм приобрели в Германии псевдорелигиозный характер. Варварский пангерманизм сопровождается одичанием масс, высвобождением звериных стихий, что, впрочем, характерно для всякого преклонения перед материальной силой, подменяющего почитание силы Божьей [23, с. 30]. Грубую силу и волю к могуществу, возобладавшие в немецком народе над стремлением к культуре, Бердяев оценивает как «самую опасную для мира форму вырождения», призывает смирить и обессилить народ, вставший на этот путь.

К теме божественной силы, врывающейся в мир из глубин бытия и противостоящей злomu насилнию, небытию, русский мыслитель неоднократно обращается в статьях, написанных в 1914–1918 гг., в переломную эпоху в жизни России, когда кровопролитная война с внешним врагом привела отчасти к падению «тысячелетнего священного русского царства». Обсуждая учение А.Н. Толстого о недопустимости сопротивления насилнию, его «гениально-национальное» отрицание войны, Бердяев подчеркивает, что природа добра и зла не внешняя, а внутренняя, не материальная, а духовная; дьяволом можно быть, не совершая физического насилия, и можно быть святым, совершая насиллие, без которого «невозможно жить в природном порядке» [25, с. 210, 211]. В начале статьи «Сила и насиллие» (1916) констатируется, что в русском народе отсутствует культ силы, отношение русского человека к силе всегда подозрительное, русскому обществу чужда идеология силы, всякая сила «скорее представляется дьявольской, чем божественной, и легко смешивается и отождествляется с насилнием» [20, с. 202]. Русскому сознанию сила представляется «в материальном образе, кажется давяще материализованной», насилнием: «Сила есть то, что идет на меня, мне угрожает и меня насилует, а не то, что идет из меня и преобразует мир» [20, с. 203]. Альтернативу фактическому насилнию русский человек находил в смирении, выражающем отвращение к любой силе, и нередко русское смирение «бывало плодом... несчастной, зависимой судьбы русских людей, невозможности выявить свою внутреннюю мощь» [20, с. 203]. Угроза внешней экспансии, равно как и несоответствие строя «русской души» «великой миссии России» требует, по Бердяеву, радикальной реформы национального сознания по отношению к силе. Русскому человеку важно «внутренне полюбить силу, развивать и укреплять ее в себе, и только тогда нас не будут насилловать и мы не будем насилловать» [20, с. 202]. Исто-

рия России переполнена фактами насилия, но «всюду и везде» насилие есть изнанка бессилия, недостаток силы. Искоренить насилие в мире может лишь сила. Русский философ видит в силе положительное понятие, «великую ценность»: Бог – это прежде всего сила; всякая героическая, творческая личность – сила; сила лежит в основе самой жизни; религией силы, «борьбой за силу и подбор духовной силы» является христианство; природа силы жертвенна, «она отдает от избытка, а не похищает и не грабит», поэтому в иерархии ценностей сила должна стоять выше блага [20, с. 208]. «Подлинная сила, мощь освобождает, дает свободу всем и всему, она есть перевод в мир божественной энергии, ее внедрение в самую суть вещей. Бессилие всегда поработает, насилует, бьет. Подлинная сила вызывает к себе уважение, встречает признание, а в высших ее проявлениях – восхищение» [20, с. 204]. Духовная сила, «мощь, почерпнутая из божественного источника», проявляет себя в мире как материальная сила, как внешние орудия человеческого могущества. «Ошибочно смешивать дух христианский с духом овечьим. Овечьей безответственности и пассивности совсем не должно быть у христианина», – категорично заявляет Бердяев в статье «Духовное христианство и сектантство в России» (1916) [5, с. 264]. Отсутствие в русском национальном сознании идеи божественной силы он связывает с тем, что русский народ еще не вышел на арену мировой истории, его творческая сила, не призванная к историческому действию, дремлет в глубине национального характера. В онтологическом плане, утверждает русский мыслитель, сила противостоит призрачности и небытию, «недостаток силы есть умаленность бытия», следовательно, «рабье смирение», «жуткая покорность» и бессилие русского человека есть умаленность, призрачность национального бытия, преграда на пути реализации Россией своего предназначения в мире. «Сознание величия силы, ее духовности и божественности» необходимо русскому человеку; из глубины национального характера чувство силы должно пробудиться к действию, повести русский народ к высшему духовному бытию, победить инертность мира.

Рассуждения Бердяева о силе и насилии, о пагубной склонности русского человека к смирению и покорности развивали его концепцию «русской души», обстоятельно изложенную в брошюре «Душа России» (1915), текстом которой позднее был задан основной тон книги «Судьба России» (1918). Согласно этой концепции, доминирующие черты души русского народа – пассивность, рецептивность, женственность и апокалиптическая. Личностное, активное, мужественное начало слабо выражено в русской культуре. Сознание прав и достоинства личности в русском народе не окрепло, личность придавлена огромными размерами государства³, раз-

³ «Русский народ создал огромное, небывало огромное государство и истратил на это дело так много сил, что изнемог. Русские обессилены огромностью своего государства, оборонит-

мыта в национально-стихийном коллективизме. Россия – «страна безличного коллективизма», «русский народ не хочет быть мужественным строителем» государства, для него притягателен идеал свободы от государства и заботы об устройстве в царстве земном, «он всегда ждет жениха, мужа, властелина», он «хочет быть землей, которая невестится, ждет мужа» [6, с. 275, 276, 284]. Россия живет «слишком природной, недостаточно человеческой жизнью, слишком родовой, недостаточно личной жизнью»; «безличные природные стихии земли» господствуют на ее обширных пространствах над личным человеческим началом [6, с. 286, 287]. Бердяев указывает на прямую взаимосвязь между недостаточным развитием личностного начала в России и отсутствием в ее истории рыцарства: «Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. Рыцарство кует чувство личного достоинства и чести, создает закал личности. Этого личного закала не создавала русская история. В русском человеке есть мягкотелость, в русском лице нет вырезанного и выточенного профиля» [6, с. 275]. С мужественным, активным, творческим духовным движением несовместима и женственная русская религиозность, «религиозность коллективной биологической теплоты, переживаемой, как теплота мистическая», боящаяся выйти «в холод и огонь личной религиозности»; религия русского народа – это «не столько религия Христа, сколько религия Богородицы, религия матери-земли, женского божества, освещающего плотский быт» [6, с. 279]. Мужественное и женственное начала разъединены в русском характере; «мужественная свобода не овладевает женственной национальной стихией в России изнутри, из глубины»; вторжения мужественного начала русский человек всегда ожидает извне; «Россия как бы бессильна сама себя оформить в бытие свободное, бессильна образовать из себя личность» [6, с. 284, 285]. В разъединенности этих начал Бердяев видит корень глубоких противоречий духа русского народа, где безграничная свобода и устремленность к «духовным далям», воплощенные в идеале свободного от «мира» странника, оборачиваются «безграничным рабством», «неслышанным сервилизмом», «крепким бытом» и «тяжелой плотью». Он мечтает о разрешении этих противоречий во имя великого будущего России, об укреплении в русском народе мужественно-

тельным своим положением в мире. Подавляющие размеры русской государственности, имевшей свою сторожевую миссию в истории, порождали своеобразный государственный паразитизм и вампиризм, диктовавший разные обманные идеологии. <...> На горе русскому народу, столь несчастному по своему историческому положению, государственность превратилась из средства в цель и получила способность вести самодовлеющую, почти фиктивную жизнь. Отсюда небывалое развитие бюрократии и слабое развитие самостоятельности общества и личности и в прошлом, и в настоящем. Даже Церковь была превращена в орудие вампирического государственного бюрократизма» [18, с. 36], – вновь и вновь возвращается Бердяев, в том числе и в годы войны, к критике самодовлеющего государства, угрожающего становлению творческой личности.

го начала, ведущего к освобождению от внутреннего и внешнего рабства: «Как русский человек, любящий свою родину, болею я о том, что в русской душе есть “бабье”» [28, с. 72]. Национальная смелость и мужество неизбежно приведут к позитивным изменениям отношения русских людей к государству, к осознанию того, что «что русское государство есть “наше” государство, государство русского народа, выражение всенародной власти и силы»; государство перестанет быть «предметом поклонения и мления», оно предстанет народному сознанию как «даль и высь», как «философия народной жизни, имманентное выражение народной воли» [28, с. 76].

Выход России на арену мировой истории, время осуществления давнего пророчества о ее великом общечеловеческом призвании, об объединении Востока и Запада, полагает русский мыслитель, свершились. Славянская раса во главе с Россией, новым центром «мировой духовной жизни», «идет на смену другим расам, уже сыгравшим свою роль, уже склоняющимся к упадку; это – раса будущего» [6, с. 289, 290]. Однако исполнить свою великую миссию русский народ сможет лишь при условии внутреннего освобождения от господства женственной, всегда ведущей к хаосу стихии. Природное женственное начало Бердяев связывает с Востоком: «Россия, как самоутверждающийся Восток, Россия национально самодовольная и исключительная – означает нераскрытость, невыявленность начала мужественного, человеческого и личного рабства у начала природно-стихийного, национально родового, традиционно-бытового» [6, с. 290, 291]. Роль, которую Россия начинает играть в мире, предполагает пробуждение в народной душе мужественности, творческой активности, требует «религиозной эмансипации личности», освобождения «жизни духа от исключительной закрепощенности у начал национальных и государственных, от всякой прикованности к материальному быту» [6, с. 291, 292]. Поэтому русское национальное самосознание не должно тяготеть к Востоку, противопоставляя себя западной ментальности. Именно Запад, имманентное принятие его культурного наследия, повторяет уже не раз озвученный им тезис Бердяев, позволит России избавиться «от всякой подавленности и порабощенности внешнему, внеположному, инородному», раскрыть в своей духовной глубине «мужественное, личное, оформляющее начало», «овладеть собственной национальной стихией», всегда находящейся под дамокловым мечом пленения внешними, чуждыми ей силами [6, с. 285, 287]. Русская национальная стихия нуждается в «имманентном пробуждении мужественного, светоносного сознания», ее темные хаотические начала должны преобразиться под воздействием внутреннего света всегда критического сознания. «Светоносящий логос», мужественный характер и ответственная личность, столь необходимые русскому народу, на Западе вырабатывались рыцарством. Но во имя любви к родной земле, «во имя припадания к лону

матери» русский человек отверг рыцарское начало, не развивал в себе мужественный личный дух [6, с. 296]. Мужественный дух, а вместе с ним духовную самобытность и независимость Россия обретет лишь тогда, когда внутренне преобразится, «станет окончательно Европой» [6, с. 287].

Бердяев надеется, что пожар мировой войны станет очистительным для отечества, в этом пламени «истлеют ветхие материальные одежды мира и человека», русский дух вырвется из-под власти темных стихий «путем мужественной жертвы жизнью в животной теплоте коллективной родовой плоти», в русском человеке «огонь духа» одержит победу над «влагой и теплом душевной плоти» [6, с. 206–297]. Восприятие и усвоение русским человеком внешних форм, рожденных цивилизацией Запада, «прививка... серединной западной культуры» не приведет к желаемому результату. Свет на русскую тьму прольется из глубин народной души: «Мужественный дух потенциально заключен в России пророческой, в русском странничестве и русском искании правды» [6, с. 297]. Освобождение духа невозможно без кардинальной трансформации религиозной жизни народа, преодоления религиозного рабства: религия должна стать имманентным началом жизни, ее внутренней творческой энергией. Когда мы «перестанем искать святых во внешнем мире, в природном и историческом порядке», мы «обретем их в своей глубине и будем творить их из глубины» [2, с. 177].

Подлинно христианской является лишь абсолютная духовная жизнь, разворачивающаяся в ином измерении, нежели культура, науки и искусства, политика и экономика. Связь исторических событий с абсолютным осуществляется посредством человеческого духа, его погружения в глубину, в жизнь вечную, божественную. Абсолютное светится через относительное, природу и историю, изнутри, из глубины. Все сферы народной жизни должны быть пронизаны этим светом, одухотворены, «должны внутренне религиозно светиться» [12, с. 137]. Обретя свободу, русский дух устремится прочь от всего относительного «к последнему и окончательно, к абсолютному во всё», ведь для русского народа, подчеркивает Бердяев, характерна бездарность по отношению к относительному, среднему; «русская культура может быть лишь конечной, лишь выходом за грани культуры» [6, с. 294, 297]. Религиозная мужественность необходима русскому народу не только на войне, но и в мирные дни. Для того чтобы «великая миссия России» была осуществлена, «русское национальное самосознание должно полностью вместить в себя... антиномию: русский народ по духу своему и по призванию своему сверхгосударственный и сверхнациональный народ, по идее своей не любящий “мира” и того, что в “мире”, но ему дано могущественнейшее национальное государство для того, чтобы жертва его и отречение были вольными, были от силы, а не от бессилия» [6, с. 297].

Обретение силы предполагает освобождение личности от рабства у темных природных стихий, и это освобождение сопровождается изменениями материального мира. Как емко выразится Бердяев позднее в книге «Философия свободного духа» (1927–1928), «крепость самосознания личности связана с обличением зла, с рассекающим мечом» [26, с. 164]. В условиях, когда Россия втянута в кровопролитные сражения мировой войны, сила духа должна обернуться технической мощью. Противопоставление свободного духа машине русский философ считает ошибочным: «Дух должен бесстрашно идти по пути материального развития, узрев в нем свою собственную объективацию и манифестацию. Материальное развитие, техника, машина – пути духа» [4, с. 471]. Машина разрушает не дух, а плоть мира, разрывает изначальную связанность духа и плоти. Бердяев придает техническому развитию вселенский масштаб, видит в нем процесс освобождения духа от пут материи: «Материальное, космическое развитие идет от первоначальной целостной органичности, скрепляющей дух и плоть и прикрепляющей дух к материи, к механичности, расщепляющей дух и плоть, нарушающей цельность и освобождающей дух от связи с материей» [4, с. 471]. Благодаря машине растворенный в природе дух осознает себя и начинает движение вверх, рвет связи с материальным миром. «Машина как бы клещами вырывает дух из недр природной матери. Это процесс очень мучительный и трудный», но «человечество должно бесстрашно, с полной верой в неистребимость своего духа проходить через материальное развитие, через машину и технику и перестать искать спасения исключительно в прошлом» [4, с. 475]. Переход от элементарного природного организма к механистическому и расщепленному миру, согласно Бердяеву, есть страдальческий, жертвенный путь духа. Необходимость этой жертвы должна быть осознана, без нее невозможна свобода духа. «Машина есть распятие плоти мира, вознесение на крест благоухающих цветов и поющих птиц. Это – Голгофа природы. <...> Природный организм должен умереть, чтобы воскреснуть к новой жизни. И вот чудовища – машины умерщвляют природную органическую целостность и косвенно, мучительными путями высвобождают дух из природной связанности. <...> Тяжесть и скованность материального мира как бы выделяется и переходит в машину. И от этого облегчается мир» [4, с. 472, 473]. Раздирание и смерть, через которые проходит плоть старого мира, ведут к новому миру, новой жизни. Всемирно-историческая миссия России настоятельно требует вступления страны на путь технического развития. «Лишь на этом пути, – убежден Бердяев, – освободится дух России и раскроется ее глубина» [4, с. 476]. В конечном счете механистичность и раздробленность мира будут преодолены. Россия, где источником силы

станет активная творческая личность, вернет мир к новой органичности и целостности.

Первая мировая война, отмечает русский мыслитель в статье «Конец Европы» (1915), наглядно демонстрирует, что Европа перестала быть «центром мировой истории, единственной носительницей высшей культуры»; поставила задачу выхода культуры «в мировые пространства всей поверхности земного шара»; в XX в. основной темой всемирной истории стало соединение Востока и Запада [8, с. 379, 380]. Определяющей духовной силой новой эпохи становится Россия, не только географически расположенная в центре Востока и Запада, но и духовно объединяющая эти пространства. «Если близится конец провинциально-замкнутой жизни Европы, то тем более близится конец провинциально-замкнутой жизни России» [8, с. 380]. Однако векторы грядущего движения Европы и России не совпадают: самодовлеющая европейская культура иссякает, ее закат приближается, Россия же выходит в «мировую ширь». Европа нуждается в новой России, в которой обретет позитивную перспективу своего культурного бытия. В свете проблемы Востока и Запада русский народ должен осознать свое историческое призвание, дремлющие в нем потенциальные силы раскрыться в творческом действии, мужественный лик России должен быть явлен миру. «Длительная и истребительная мировая война надорвет силы Европы» – пишет Бердяев в статье «Космическое и социологическое мироощущение» (1916), замкнутые европейские культуры дряхлеют, и «если остаться на поверхности жизни, то тьма поглотит нас» [9, с. 400]. Речь опять идет о «новом средневековье», о нахлынувшем на мещанскую Европу очищающем «варварстве бытия», о «приливах тьмы», в которой «многое должно погибнуть и многое народиться, как в нашествии варваров на античную культуру», но, подчеркивает русский мыслитель, эта темная, варварская сила пришла не извне, она имеет внутренний источник [9, с. 402].

В насилиях и ужасах мировой войны Бердяев видит проявление внутренней болезни современного мира, «сыпь на теле человечества», от которой нельзя избавиться механически, необходима внутренняя работа по преодолению причин, вызвавших эту болезнь. «Война не создала зла, она лишь выявила зло. Всё современное человечество жило ненавистью и враждой. Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностным покровом мирной буржуазной жизни, и ложь этого буржуазного мира, который многим казался вечным, должна была быть разоблачена. Истребление человеческой жизни, совершаемое в мирной буржуазной жизни, не менее страшно, чем то, что совершается на войне» [10, с. 423, 424]. Мировая бойня, физические насилия и убийства, зло войны, убежден философ, значимы не сами по себе, не они – источник зла. Смерть духовная, духовные на-

силы и убийства страшнее, лежат глубже. В войне раскрывается символика духа, природа войны символична. «Можно сказать, – размышляет Бердяев, – что война происходит в небесах, в иных планах бытия, в глубинах духа, а на плоскости материальной видны лишь внешние знаки того, что совершается в глубине» [10, с. 422]. Ужас убийства человеческих душ, трагедия деградации человеческого духа приобрели повседневный характер в мирной, довоенной жизни, их просто не замечали. Война есть неизбежное следствие зла, осуществляющегося в духовной действительности, зла, живущего в каждом из нас. «Вся наша мирная жизнь поконится на насилии и убийстве. И до начала нынешней мировой войны мы насильствовали и убивали в самой глубине жизни не меньше, чем во время войны. Война лишь выявила и проецировала на материальном плане наши старые насилия и убийства, нашу ненависть и вражду. В глубинах жизни есть темный, иррациональный источник. <...> И человечество, не просветившее в себе Божественным светом этой темной древней стихии, неизбежно проходит через крестный ужас и смерть войны» [10, с. 425].

Поэтому, считает Бердяев, ответственность за ужасы мировой войны носит индивидуальный характер, мы «не можем уйти от круговой поруки... и ни для кого из нас война не есть что-то внешнее, от чего можно отвернуться» [10, с. 426]. Войну следует принять страдальчески и трагически, как ниспосланное свыше «испытание для современного человечества, развращенного буржуазным благополучием и покоем, поверившего в возможность мирной внешней жизни при внутреннем раздоре»; жестокость войны есть не только квинтэссенция жестокости, злобы и бессердечия людей, но «жестокость исторической судьбы, жестокость исторического движения, исторического испытания» [15, с. 431]. Религиозный взгляд на жизнь позволяет понять, что «война есть вина, но она также есть и искупление вины», в войне «неправедная, грешная, злая жизнь возносится на крест» [10, с. 425]. Принимая войну, мы принимаем трагический ужас жизни. Материальный мир подчиняется законам насилия, и поскольку человек наделен физическим телом, он причастен насилию этого мира. Парадокс войны состоит в том, что зло войны есть «ответ на зло изначальное, на тьму, обнимающую первооснову жизни». Разрушая физическую оболочку человека, война может служить средством возрождения его души. «Если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме» [10, с. 427, 428].

Война как таковая лишена творческого начала, но она может пробудить творческие силы человека и тем самым способствовать углублению жизни, поставить перед человечеством «новые творческие задачи, задачи творческого претворения энергий, исходящих из темной, изначальной глубины бытия в новую жизнь и новое сознание» [9, с. 401]. Мировая вой-

на, утверждает Бердяев, должна благотворно повлиять на судьбу человечества, «должна что-то изменить в мире к лучшему, к более ценному бытию», и русский народ призван к активному участию в позитивной динамике мира, ему «необходимо духовное воодушевление на почве осознания великих исторических задач», начать борьбу «за повышение ценности» своего бытия в мире [16, с. 438]. К сожалению, творческая историческая мысль, историческое мышление в России практически отсутствует. Ключевой фактор преодоления провинциализма русской жизни, ее внутренних распрей и мелочной вражды – формирование национального сознания, ставящего бытие нации во всемирно-историческую перспективу: «Только решительное обращение нашего сознания к глубине национального бытия и к широте бытия всемирно-исторического ставит перед нами захватывающие творческие проблемы» [7, с. 382, 383]. Без обращения к мировой истории, без признания истории в качестве самостоятельной метафизической реальности, без выработки соответствующего ей познавательного инструментария русское национальное самосознание не освободится из-под власти подавляющих его темных стихий. Путь, ведущий к богочеловечеству, движение к единству человечества – это «путь национального роста и развития, национального творчества», «всечеловечество раскрывает себя лишь под видами национальностей» [11, с. 356]. Успех «великой миссии России», понимание русскими людьми места и роли своей страны в условиях новой исторической эпохи непосредственно зависят от их способности подняться на уровень общечеловеческий, раскрыть в гении нации всемирные глубины, органически соединить национальное сознание с сознанием универсальным. «Творческое утверждение национальности и есть утверждение человечества. Национальность и человечество – одно» [11, с. 358].

Но как недостает России людей, готовых к решению всемирно-исторических задач! «Главная беда России, – сетует Бердяев, – в недостатке настоящих людей... в слабости русской воли, в недостатке общественного самовоспитания и самодисциплины. Русскому обществу недостает характера, способности определяться изнутри. Русского человека слишком легко заедает “среда”, и он слишком подвержен эмоциональным реакциям на всё внешнее» [21, с. 460]. Настоящий человек – это прежде всего человек, берущий на себя ответственность за всё происходящее, человек, для которого достоинство и честь не пустой звук. «Нужно признать, что личное достоинство, личная честь, личная честность и чистота мало кого у нас пленяют. Всякий призыв к личной дисциплине раздражает русских», – констатирует Бердяев в статье «О святости и честности» [17, с. 339]. Он развивает тезис К.Н. Леонтьева, что русский человек может быть святым, но не может быть честным, а русский идеал святости противоположен западноевропей-

скому идеалу честности: «У русского человека недостаточно сильно сознание того, что честность обязательна для каждого человека, что она связана с честью человека, что она формирует личность. Нравственная дисциплина личности никогда у нас не рассматривалась как самостоятельная и высшая задача» [17, с. 335]. Русский человек во всём полагается на коллектив, включая решение нравственных задач. Вновь повторяет Бердяев мысль, что отсутствие рыцарства в России крайне затруднило становление личностного начала в русской культуре. Народное православие предлагает лишь одну форму дисциплины личности – смирение: «Лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться» [17, с. 335]. Святая Русь возносится над живущим честностью Западом, но святость – удел немногих. Обыкновенный человек, дабы не впасть в грех гордыни, не должен ставить перед собой задачи воплотить идеал святости. Не пройдя школы чести, русский человек «не привык чувствовать себя ответственным перед Россией, не воспитан в духе свободно-гражданского к ней отношения» [17, с. 341]. Для решения стоящих на повестке дня задач в русской душе должны раскрыться «имманентная религиозность и имманентная мораль, для которой высшее Божественное начало делается внутренне преобразующим и творческим началом» [17, с. 341]. Идеал святости русский народ не утратит, но успешная реализация его исторической миссии предполагает творческий рост, усвоение новых ценностей, осознание божественности человеческой чести и честности, идеалов средневекового рыцарства.

Эта тема находит отражение на страницах написанной русским философом в военные годы книги «Смысл творчества» (1916). Представление о несовместимости чувства чести и христианства ее автор называет «великой клеветой на христианство». Действительно, исторически обусловленная христианская мораль «решительно враждебна всякому героизму, всякому героическому повышению жизни, героическому восхождению, героической жертве» [22, с. 461]. Но если исходить из сущности христианства, из того, что центр христианского мировоззрения – это откровение о личности, то только на почве христианской становится возможным подлинное чувство чести: «Честь не есть духовная гордость и самоутверждение. Честь – блюдение в человеке образа и подобия Божьего, который не должен быть унижен. Честь блюдет ценность божественную и потому является одной из вечных основ морали. Самоотречение истребляет безбожную природу в человеке. Честь утверждает божественную природу человека» [22, с. 471, 472]. Героизм и честь – эти вечные основы морали – ярко проявились в идее рыцарства, которая предвляла христианское откровение о человеке. Рыцарскую мораль русский мыслитель оценивает как творчество, имеющее не традиционно-христианские, но вневременные, экзистенциальные источники. «Человек по существу своему, – утверждает Бердяев, –

есть уже разрыв в природном мире, он не вмещается в нем» [22, с. 297]. Дух человеческий стремится вырваться из плена «мира сего», состояния разобщенности и вражды, царства необходимости. Рабство у «мира» есть падение человека. Освобождение от «мира», восхождение человека в бытии возможно лишь посредством творческого порыва, созидания новой жизни. Бердяев подчеркивает болезненность и трагичность творческого акта, требующего внутреннего преодоления «мира» во всей совокупности его составляющих, включая достижения культуры: «Возможно лишь имманентно-творческое, а не внешне-нигилистическое преодоление искусства и науки, как и всей культуры, во имя высшего бытия. Это – путь сверхкультурный, а не докультурный» [22, с. 456, 457]. Идею рыцарства философ связывает с подлинным моральным творчеством, но возвращается он к рассуждениям Д.С. Мережковского, эта идея во всей своей полноте никогда не была осуществлена, «фактическое рыцарство средних веков было так же далеко от идеи рыцарства, как фактическая иерархия католической церкви от мистической Церкви Христовой» [22, с. 472]. Это не отменяет исторического значения рыцарства, утвердившего в мире героические ценности – ценность жертвенной чести и жертвенной верности, именно в рыцарстве ковалась личность.

Далее мысль Бердяева катится по накатанной колее, он указывает на глубокий антагонизм творческой рыцарской и обыденной буржуазной морали, противопоставляет средневековое рыцарство мещанству Нового времени, обрушивает свой гнев на буржуазный мир, мечтавший похоронить навеки рыцарство как порождение темного средневековья, подменить блестящие рыцарские добродетели плоскими мещанскими добродетелями. Рыцарство и буржуазность, согласно Бердяеву, являются категориями религиозно-метафизическими, пребывающими «в меняющихся одеяниях разных времен», а не социально-историческими. Дух рыцарства существует как вечная противоположность духу буржуазному, «рыцарство остается вечным заданием человеческого духа, переживающим ветхие одежды рыцарства средневекового», его гибель «была бы гибелью высокого духовного закала личности» [22, с. 472]. Буржуазная эпоха завершается, творчество новой жизни требует воссоздания «духовного рыцарства, рыцарства в Духе», возрождения «рыцарских орденов в новом духе». «Дух рыцарства, – отмечает русский мыслитель, – призван хранить подлинный, небесный аристократизм моральных ценностей, подлинный, небесный иерархизм, не запятнанный буржуазным иерархизмом мира сего» [22, с. 472]. Рыцарская мораль – это мораль ценности, и любая ценность по природе своей аристократична⁴, это мораль качества, индивидуальности, творчества. Тогда как буржуазно-демократическая мораль «ставит благополучие и устрое-

⁴ «В метафизическом, а не социальном смысле слова», – делает примечание Бердяев.

ние людей выше ценности, количество выше качества, средне-общее выше индивидуального, распределение выше творчества», что не имеет ничего общего с христианством и, более того, есть грех перед Богом и божественным в человеке [22, с. 473]. Христианство, с одной стороны, «всенародно-универсально, оно есть спасение всего мира, всех и вся до последней былинки, оно всех призывает на мессианский пир», утверждает абсолютную ценность каждой человеческой личности, но, с другой стороны, христианство аристократично, иерархично. Бердяев предчувствует будущую «великую моральную революцию», торжество творческой аристократической морали, «ибо творчество всё в качестве, а не в количестве, в ценности, а не благополучии, в индивидуальном, а не в средне-общем, в восхождении, а не в распределении, в организме, а не в механизме» [22, с. 473]. Таинственную иерархию нового мира, царства творчества и свободы, иерархию жертвенную составляет рыцарство. «Рыцарская мораль аристократизма не может никого угнетать и поработать – она есть мировое служение, всегда жертвенное. Рыцарь жертвует собой и своим благом, но никогда не жертвует ценностью, абсолютно верен ценности» [22, с. 473].

Рыцарственный, мужественный дух проявляется в плоскости материальной действительности благородной военной стилистикой. Грянувшая мировая война, пишет Бердяев в октябре 1915 г., бесстильна, это «индустриальная война, и она глубоко отличается от прежних войн, связанных с преданиями рыцарства, с дворянством, с личной доблестью» [19, с. 134]. Он грезит о воинственном духе рыцарства, переходящем за пределы современной буржуазной эпохи; с восхищением пишет о Средних веках, «наименее буржуазной и наиболее воинственной эпохе»; презрительно отзывается о буржуазной идее вечного мира, «дурной, уродливой, совсем не божественной идее». Дух воинственный, дух священного негодования против зла этого мира, неумирающий дух рыцарства должен сохраняться и прирастать в сердце человеческом, пока зло не будет побеждено окончательно, пока погрязший в грехе мир не будет творчески преобразован в новую землю и новое небо. «Жертвенность войны, – убежден Бердяев, – ставит ее выше безопасности буржуазного мира» [22, с. 494]. Мировая война как время великих испытаний возвращает нас к идее духовного рыцарства, служения вечным ценностям. И это закономерно, так как «развитие человечества, восхождение человечества, никогда не совершается по прямой линии» [9, с. 401]. Судьба русского народа, самого духовного народа в мире, сложилась так, что в его «печальной и унылой» истории «никогда не было творческой избыточности, никогда не было ничего ренессансного, ничего от духа Возрождения» [13, с. 342]. Но современный мир стремительно меняется, «ключья старого мира мысли влачат жалкое существование», инертная рассудочная мысль исчерпала свой потенциал. Россия

вовлечена в этот процесс. В русской культуре и общественной жизни должна свершиться эмансипация мысли, должно начаться творческое движение к раскрытию идеи духа. «Вершина человечества вступила уже в ночь нового средневековья, когда солнце должно засветиться внутри нас и привести к новому дню. Внешний свет гаснет» [13, с. 347]. Русский народ призван вступить в «мировую борьбу», что разворачивается на «духовных вершинах человечества», где пробуждается творческая мысль, определяется судьба человеческого сознания. В борьбе народов он «должен иметь свою идею, должен вносить в нее свой закал духа»; «великая миссия России» предполагает ее духовное возрождение, воспитание в гражданах страны аристократических доблестей, мужественного чувства чести и верности воинственному духу рыцарства.

Таким образом, в годы Первой мировой войны в контексте осмысления перспективы духовного возрождения человечества и тех препятствий, что не позволяют русскому народу реализовать свою всемирно-историческую миссию, окончательно складывается знаменитая концепция «русской души» Н.А. Бердяева. Важнейшим условием успеха «великой миссии России» является внутреннее освобождение русского человека от господства женственной, природной, ведущей к хаосу стихии. России недостает людей, готовых решать стоящие перед ней нравственные и исторические задачи, людей, берущих на себя ответственность за происходящее, людей достоинства и чести, людей, осознающих величие духовной и божественной силы. Мировая война как феномен духовного порядка, убежден Бердяев, демонстрирует, что искоренить насилие в мире может лишь такого рода сила. Согласно еще одной его знаменитой концепции – концепции «нового средневековья» – варварство войны, преодолевающее упадок буржуазной культуры, раскрывает потенциал человеческой личности; война расширяет горизонты культуры, открывает новые ее источники. Буржуазности как религиозно-метафизической категории противостоит категория рыцарства, «дух рыцарства» есть единственная альтернатива «духу буржуазному». Для русского мыслителя христианство – это прежде всего откровение о личности. Западноевропейская идея рыцарства, где во главу угла поставлены непреходящие основы морали – героизм и честь, предваряла христианское откровение о человеке. Проблема выбора между Востоком и Западом сегодня определяет судьбу России. Русское национальное самосознание не должно тяготеть к Востоку, с которым Бердяев связывает темное природное женственное начало. Лишь имманентное принятие культурного наследия Запада, ориентация на выкованную рыцарством мужественную и ответственную творческую личность позволит России духовно преобразиться, успешно решить задачи всемирно-исторического масштаба.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Варварство и упадочничество // Бердяев Н.А. Футуризм на войне: публицистика времен Первой мировой войны. – М.: Канон+, 2004. – С. 287–293.
2. *Бердяев Н.А.* Возрождение православия (С.Н. Булгаков) // Бердяев Н.А. Мутные лики: типы религиозной мысли в России. – М.: Канон+, 2004. – С. 147–186.
3. *Бердяев Н.А.* Война и возрождение // Бердяев Н.А. Футуризм на войне: публицистика времен Первой мировой войны. – М.: Канон+, 2004. – С. 5–13.
4. *Бердяев Н.А.* Дух и машина // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 469–476.
5. *Бердяев Н.А.* Духовное христианство и сектантство в России // Бердяев Н.А. Мутные лики: типы религиозной мысли в России. – М.: Канон+, 2004. – С. 255–276.
6. *Бердяев Н.А.* Душа России // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 271–297.
7. *Бердяев Н.А.* Задачи творческой исторической мысли // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 381–388.
8. *Бердяев Н.А.* Конец Европы // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 372–381.
9. *Бердяев Н.А.* Космическое и социологическое мироощущение // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 395–402.
10. *Бердяев Н.А.* Мысли о природе войны // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 422–428.
11. *Бердяев Н.А.* Национальность и человечество // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 350–358.
12. *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и история // Бердяев Н.А. Мутные лики: типы религиозной мысли в России. – М.: Канон+, 2004. – С. 132–139.
13. *Бердяев Н.А.* Об отношении русских к идеям // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 341–349.
14. *Бердяев Н.А.* О дремлющих силах человека. (К психологии войны) // Бердяев Н.А. Футуризм на войне: публицистика времен Первой мировой войны. – М.: Канон+, 2004. – С. 40–45.
15. *Бердяев Н.А.* О жестокости и боли // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 428–433.
16. *Бердяев Н.А.* О правде и справедливости в борьбе народов // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 433–439.
17. *Бердяев Н.А.* О святости и честности // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 335–341.
18. *Бердяев Н.А.* Религия воскресения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова) // Бердяев Н.А. Мутные лики: типы религиозной мысли в России. – М.: Канон+, 2004. – С. 5–63.
19. *Бердяев Н.А.* Роль третьего сословия в России // Бердяев Н.А. Футуризм на войне: публицистика времен Первой мировой войны. – М.: Канон+, 2004. – С. 130–140.

20. *Бердяев Н.А.* Сила и насилие // Бердяев Н.А. Футуризм на войне: публицистика времен Первой мировой войны. – М.: Канон+, 2004. – С. 202–208.
21. *Бердяев Н.А.* Слова и реальности в общественной жизни // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 457–463.
22. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы; Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 251–580.
23. *Бердяев Н.А.* Современная Германия // Бердяев Н.А. Футуризм на войне: публицистика времен первой мировой войны. – М.: Канон+, 2004. – С. 22–32.
24. *Бердяев Н.А.* Судьба Парижа // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – С. 403–409.
25. *Бердяев Н.А.* Толстовское непротivление и война // Бердяев Н.А. Футуризм на войне: публицистика времен Первой мировой войны. – М.: Канон+, 2004. – С. 209–215.
26. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа: проблематика и апология христианства // Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – С. 13–338.
27. *Бердяев Н.А.* Футуризм на войне // Бердяев Н.А. Футуризм на войне: публицистика времен Первой мировой войны. – М.: Канон+, 2004. – С. 17–21.
28. *Бердяев Н.А.* Эпигонам славянофильства // Бердяев Н.А. Мутные лики: типы религиозной мысли в России. – М.: Канон+, 2004. – С. 71–78.
29. *Бойко В.А.* Концептуальные основания рыцарского идеала Н.А. Бердяева: первые шаги // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2 (32), т. 2. – С. 108–119.
30. *Бойко В.А.* Первая русская революция и развитие рыцарского идеала Н.А. Бердяева // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2 (36), т. 1. – С. 51–63.
31. *Бойко В.А.* Рыцарский идеал Н.А. Бердяева в книге «Новое религиозное сознание и общественность» // Идеи и идеалы. – 2017. – № 3 (33), т. 2. – С. 94–107.
32. *Киреевский И.В.* Деятнадцатый век // Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – С. 79–101.

Статья поступила в редакцию 15.07.2020.

Статья прошла рецензирование 08.08.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-395-417

THE KNIGHTLY IDEAL OF N.A. BERDYAEV AND THE WORLD WAR

Boyko Vladimir,

Cand. of Sc. (Culturology),

Professor, Institute of Philosophy and Law,

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

8 Nicolaev Street, 630090, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0365-5171

vboyko100@gmail.com

Abstract

The knightly ideal of N.A. Berdyaev is one of the major components of his creativity: “the spirit of chivalry” is a unique alternative to “the spirit of the bourgeois”, to “world philistinism” and total, self-sufficing, godless statehood. Berdyaev believes in the great historic mission of Russia – to become a connecting link between the East and the West, to unite two streams of world history. The First World War adds an urgency to these themes. The Russian thinker interprets this war as an epoch of great tests, hopes that it will lead to spiritual awakening of Russia, will give courage and nobleness to the Russian people, provide the Russian person with attributes of the knight. Berdyaev is convinced of the necessity of qualitative changes of Russian national consciousness and being. War as a phenomenon of a spiritual order shows that only spiritual power can eradicate violence in the world. According to the well-known concept of “the new Middle Ages”, the barbarity of war overcomes bourgeois decadence and opens the potential of the humane person; war expands culture horizons, opens new resources. Russia needs people of dignity and honour, people who realize the greatness of divine power. Russian society should join the world civilization; internally accept Christian revelations about humanity. Berdyaev confirms that the idea of knightly service is anticipated in Christian morality, it’s crucially important for the history of personal formation. The precondition of success of the historic world mission of Russia is the liberation of the ‘Russian soul’ from domination of womanly, natural, potentially chaotic elements. The problem of choosing between the East and the West, declares Berdyaev, defines the fate of Russia. Russian national consciousness should accept the cultural heritage of the West imminently. Only focusing on the self-forged knightly courage and responsible creative personality will allow Russia to change spiritually, and successfully solve problems on a global historical scale.

Keywords: Russian philosophy, the world historic mission of Russia, power, Russian soul, the new Middle Ages, the West and the East.

Bibliographic description for citation:

Boyko V. The Knightly Ideal of N.A. Berdyaev and the World War. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2, pt. 2, pp. 395–417. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-395-417.

References

1. Berdyaev N.A. Varvarstvo i upadochnichestvo [Barbarity and Decadence]. Berdyaev N.A. *Futurizm na voine: publitsistika vremen pervoi mirovoi voiny* [Futurism in the War: Publicism of Times of the First World War]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 287–293.
2. Berdyaev N.A. Vozrozhdenie pravoslaviya (S.N. Bulgakov) [Rebirth of Orthodoxy (S.N. Bulgakov)]. Berdyaev N.A. *Mutnye liki: tipy religioznoi mysli v Rossii* [Murky figures: Types of Religious Thought in Russia]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 147–186.
3. Berdyaev N.A. Voina i vozrozhdenie [War and Rebirth]. Berdyaev N.A. *Futurizm na voine: publitsistika vremen pervoi mirovoi voiny* [Futurism in the War: Publicism of Times of the First World War]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 5–13.
4. Berdyaev N.A. Dukh i mashina [Spirit and the Machine]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 469–476.
5. Berdyaev N.A. Dukhovnoe khristianstvo i sektantstvo v Rossii [Spiritual Christianity and Sectarianism in Russia]. Berdyaev N.A. *Mutnye liki: tipy religioznoi mysli v Rossii* [Murky figures: Types of Religious Thought in Russia]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 255–276.
6. Berdyaev N.A. Dusha Rossii [The Soul of Russia]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 271–297.
7. Berdyaev N.A. Zadachi tvorcheskoi istoricheskoi mysli [The Tasks of Creative Historical Thought]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 381–388.
8. Berdyaev N.A. Konets Evropy [The End of Europe]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 372–381.
9. Berdyaev N.A. Kosmicheskoe i sotsiologicheskoe miroshchushchenie [The Cosmic and the Sociological World-Sense]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 395–402.
10. Berdyaev N.A. Mysli o prirode voiny [Thoughts about the Nature of War]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 422–428.
11. Berdyaev N.A. Natsional'nost' i chelovechestvo [Nationalness and Humanity]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 350–358.
12. Berdyaev N.A. Novoe religioznoe soznanie i istoriya [New Religious Consciousness and History]. Berdyaev N.A. *Mutnye liki: tipy religioznoi mysli v Rossii* [Murky figures: Types of Religious Thought in Russia]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 132–139.
13. Berdyaev N.A. Ob otnoshenii russkikh k ideyam [Concerning the Relationship of Russians towards Ideas]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 341–349.
14. Berdyaev N.A. O dremlyushchikh silakh cheloveka. (K psikhologii voiny) [On the Dormant Powers of Man (To Psychology of War)]. Berdyaev N.A. *Futurizm na*

voine: publitsistika vremen pervoi mirovoi voiny [Futurism in the War: Publicism of Times of the First World War]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 40–45.

15. Berdyaev N.A. O zhestokosti i boli [Concerning the Cruelty and Anguish]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 428–433.

16. Berdyaev N.A. O pravde i spravedlivosti v bor'be narodov [Concerning Truth and Justice in the Struggle of Peoples]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 433–439.

17. Berdyaev N.A. O svyatosti i chestnosti [Concerning Sanctity and Honour]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 335–341.

18. Berdyaev N.A. Religiya voskresheniya (“Filosofiya obshchego dela” N.F. Fedorova) [The Religion of Resurrection (“The Philosophy of the Common Task” of N.F. Fedorov)]. Berdyaev N.A. *Mutnye liki: tipy religioznoi mysli v Rossii* [Murky figures: Types of Religious Thought in Russia]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 5–63.

19. Berdyaev N.A. Rol' tret'ego sosloviya v Rossii [The Role of the Third Estate in Russia]. Berdyaev N.A. *Futurizm na voine: publitsistika vremen pervoi mirovoi voiny* [Futurism in the War: Publicism of Times of the First World War]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 130–140.

20. Berdyaev N.A. Sila i nasilie [Power and Coercive Violence]. Berdyaev N.A. *Futurizm na voine: publitsistika vremen pervoi mirovoi voiny* [Futurism in the War: Publicism of Times of the First World War]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 202–208.

21. Berdyaev N.A. Slova i real'nosti v obshchestvennoi zhizni [Words and Reality in Societal Life]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 457–463.

22. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva [The Meaning of the Creative Act]. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody; Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom; The Meaning of the Creative Act]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 251–580.

23. Berdyaev N.A. Sovremennaya Germaniya [Modern Germany]. Berdyaev N.A. *Futurizm na voine: publitsistika vremen pervoi mirovoi voiny* [Futurism in the War: Publicism of Times of the First World War]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 22–32.

24. Berdyaev N.A. Sud'ba Parizha [The Fate of Paris]. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2004, pp. 403–409.

25. Berdyaev N.A. Tolstovskoe neprotivlenie i voina [Tolstoyan Non-Resistance and the War]. Berdyaev N.A. *Futurizm na voine: publitsistika vremen pervoi mirovoi voiny* [Futurism in the War: Publicism of Times of the First World War]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 209–215.

26. Berdyaev N.A. Filosofiya svobodnogo dukha: problematika i apologiya khristianstva [The Philosophy of Free Spirit: A Problematics and Apologia of Christianity]. Berdyaev N.A. *Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The Dialectics of the Divine and the Human]. Moscow, AST Publ., Kharkiv, Folio Publ., 2003, pp. 13–338.

27. Berdyaev N.A. Futurizm na voine [Futurism in the War]. Berdyaev N.A. *Futurizm na voine: publitsistika vremen pervoi mirovoi voiny* [Futurism in the War: Publicism of Times of the First World War]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 17–21.
28. Berdyaev N.A. Epigonam slavyanofil'stva [To the Epigons of Slavophilism]. Berdyaev N.A. *Mutnye liki: tipy religioznoi mysli v Rossii* [Murky figures: Types of Religious Thought in Russia]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004, pp. 71–78.
29. Boyko V.A. Kontseptual'nye osnovaniya rytsarskogo ideala N.A. Berdyaeva: pervye shagi [The conceptual bases of N.A. Berdyaev's knightly ideal: the first steps]. *Idei i idealy = Ideas and ideals*, 2017, no. 2, vol. 2, pp. 108–119.
30. Boyko V.A. Pervaya russkaya revolyutsiya i razvitie rytsarskogo ideala N.A. Berdyaeva [The First Russian Revolution and the development of N.A. Berdyaev's knightly ideal]. *Idei i idealy = Ideas and ideals*, 2018, no. 2, vol. 1, pp. 51–63.
31. Boyko V.A. Rytsarskii ideal N.A. Berdyaeva v knige "Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'" [The knightly ideal of N.A. Berdyaev in his book "New religious consciousness and society"]. *Idei i idealy = Ideas and ideals*, 2017, no. 3, vol. 2, pp. 94–107.
32. Kireevskii I.V. Devyatnadsatyi vek [The Nineteenth Century]. Kireevskii I.V. *Kritika i estetika* [Critique and Aesthetics]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979, pp. 79–101.

The article was received on 15.07.2020.

The article was reviewed on 08.08.2020.